

И. Б. Бовина, Е. О. Голыничик

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР: ОТ ПОЛИТОЛОГИИ К СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье рассматривается понятие «многополярный мир», намечаются перспективы социально-психологических исследований формирующейся многополярности современного мирового устройства. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного в рамках теории социальных представлений. Анализируются представления российских студентов о многополярном мире и о странах, воспринимаемых как центры влияния в современном мире.

Ключевые слова: многополярный мир, теория социальных представлений, страны — центры влияния в современном мире, представления о России, студенты.

The concept of “multipolar world” is analyzed in the presented article; some perspectives of social-psychological research of forming multi-polarity in the present world are outlined. The students’ representations of multipolar world and of the countries — centers of influence in the modern world were analysed from the social representations theory perspective.

Key words: multipolar world, social representations theory, countries — centers of influence in the modern world, representations of Russia, students.

В контексте обсуждения структуры мирового устройства **понятие «многополярный мир»** традиционно относится к области международных отношений, политологии и экономики и не встречается в психологической литературе. Поэтому для того, чтобы определиться с трактовкой этого понятия, обратимся к анализу политологических источников. В отечественную политологию термин «многополярность» ввел С.М. Рогов. Многополярность (или полицентричность) предполагает, что несколько (не менее трех) государств обладают приблизительно равным экономическим и военным потенциалом и являются своеобразными полюсами мира. Другими моделями возможного распределения сил и власти на мировой арене являются однополярность и биполярность. В истории есть примеры всех трех основных типов мироустройства. До начала Первой мировой войны существовала клас-

Бовина Инна Борисовна — докт. психол. наук, профессор кафедры криминальной психологии ф-та юридической психологии МГППУ. *E-mail:* innabovina@yandex.ru

Голыничик Елена Олеговна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* Elena_golynchik@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 09-06-01082 а/р).

сическая *многополярная* система международных отношений, центрами влияния выступали несколько великих держав (Мартынов, 2009; Рогов, 2007). В годы «холодной войны» между США и СССР наша страна была одним из полюсов в *биполярной* системе мирового устройства. По словам С.М. Рогова, «в течение полувека все другие игроки и конфликты оказались маргинальными по сравнению с советско-американскими отношениями» (Рогов, 2007 [эл. ресурс]). После распада СССР в начале 1990-х гг. произошли изменения и в распределении сил на мировой арене: с этого времени усиливается стремление американского руководства к закреплению за США роли единственной сверхдержавы и переходу к *однополярному* миру (Кулагин, 2006; Рогов, 2007). Хотя в литературе можно встретить положительную характеристику однополярности как «благожелательного гегемонизма» США (по: Мартынов, 2009), все же обычно подобные тенденции оцениваются негативно, и главный способ противодействия американизации видится в переходе к *многополярности* (Vrenner, 2003). В зарубежной литературе в качестве влиятельных игроков на мировой арене, способных сдерживать политику США, упоминаются Китай, Индия, Россия, Япония, страны Евросоюза (см., напр.: де Монбриаль, 2007; Pant, 2006; Scott, 2007).

Важность перехода к многополярному миру связывается не только с противостоянием американскому влиянию, но и с перспективой глобального сотрудничества, необходимого для выживания человечества, взаимного учета интересов разных участников международных отношений при условии выработки правил коллективного управления и разумной конкуренции (Мартынов, 2009). Возникновение ряда стран — центров влияния в современном мире объясняется именно процессами глобализации. Можно сказать, что одна из ключевых особенностей формирующейся сейчас системы мироустройства состоит в укрупнении и видоизменении главных сил, действующих на мировой арене. С. Хантингтон (2003) полагает, что с окончанием «холодной войны» мир изменяется, становясь «многополюсным», и в будущем границы, разделяющие человечество, будут определяться культурой, а главным действующим лицом в международных событиях будет нация-государство. На видоизменение центров влияния указывает и Тьерри де Монбриаль (2009 [эл. ресурс]), отмечая, что «в современном мире действуют новые субъекты, бросившие государству определенный вызов и составляющие ему заметную конкуренцию», например многочисленные неправительственные организации, разного рода экономические структуры и транснациональные корпорации. Своеобразным экспериментом в этом отношении стало и создание Евросоюза (там же). По сути, все мы являемся свидетелями формирования сверхнациональной государственности — Европейского союза, и в какой-то момент Россия может начать граничить с новым государством, численность населения которого будет достигать 450 млн человек, а экономический потенциал

будет превышать потенциал США на 11—13% (Тодоров, 2004). Таким образом, грядущее мироустройство, вероятно, будет представлять собой «межцивилизационное общение не столько отдельных стран, сколько целых регионов Земли и, если брать еще шире, — различных рас, религий, культур и моделей социально-экономического развития» (Мартынов, 2009 [эл. ресурс]).

Выделяются и другие особенности, отличающие многополярность, формирующуюся в настоящее время, от классической многополярности начала XX в., например такие, как наличие у стран-полюсов ядерного оружия, отсутствие единых норм и институтов, регулирующих отношения между ними. Согласно С.М. Рогову (2007), эти особенности делают намечающуюся многополярную структуру международных отношений крайне неустойчивой, «близкой к многополярному хаосу».

Другие авторы указывают на сложности формирования многополярности (Кулагин, 2006), утопичность этой модели мироустройства (Иноземцев, 2008), на то, что многополярность — временное явление, имеющее место в периоды ослабления активности единственного гегемона (Go, 2007). Многополярное устройство мира видится как предрасположенное к войнам, при этом однополярная или биполярная система считается более устойчивой, признается залогом обеспечения глобальной безопасности (по: Мартынов, 2009).

Вместе с тем существует и понимание современного мира как бесполярного. Бесполярность рассматривается как негативное явление, естественное следствие глобализации и причина многих бед и проблем современной цивилизации (например, стремления многих стран стать ядерными державами) (Хаас, 2008).

Известна также теория «плюралистической однополярности», предложенная А.Д. Богатуровым в 1990-х гг. для объяснения трансформаций, происходящих в структуре международных отношений. Автор говорит об «изменении природы», «дозированной плюрализации» лидерства США в мире и рассматривает эту страну не как единоличного лидера, а в плотном окружении стран «семерки», т.е. как лидера единой цивилизации Запада. Такая «однополярность смягченного типа» представляется оказывающей менее жесткое воздействие на мир, нежели гегемония одного государства (по: Мартынов, 2009).

Завершая рассмотрение категории «многополярный мир», отдельно остановимся на критериях, по которым выделяются мировые центры влияния. Основными сферами, в рамках которых разворачивалось противостояние сверхдержав в годы «холодной войны», были (по: Рогов, 2007): идеология (противостояние коммунистической и антикоммунистической идеологии); геополитика (соперничество США и СССР в рамках региональных конфликтов в разных уголках мира); экономика (соперничество двух экономических систем по степени эффективности экономического и социального развития); военная сфера

(обе сверхдержавы избегали прямого военного конфликта, поэтому их противоборство приняло характер гонки вооружений).

Анализируя современный политологический дискурс, можно заметить, что и в нем при обсуждении ресурсов влияния ключевых игроков на мировой арене, как и в годы «холодной войны», чаще упоминаются экономические, политические и военные факторы, однако встречаются и другие. Так, Б. Мартынов (2009), рассуждая об усилении в последние годы влияния России в странах Латинской Америки, говорит, что главная причина этого кроется в эмоционально-психологической схожести людей разных наций и культур, в общности их представлений о справедливости, морали и праве, что и дает весомый «имиджевый эффект», и может стать ресурсом для усиления влияния нашей страны в других регионах мира. В.М. Кулагин (2006) особо выделяет коммуникативную сферу соперничества между странами, претендующими на звание полюса влияния в современном мире. Эта сфера особенно интересна для социальной психологии, так как именно в ее рамках влияние державы является не столько реальной, сколько искусственно сконструированной в ходе массовой коммуникации (Киселев, Смирнова, 2008). Противостояние между влиятельными игроками на мировой арене разворачивается в форме информационной войны, поэтому ключевое значение приобретает образ государства, международный имидж, сконструированный в сознании членов международного сообщества (Шестопад, 2008), а в этом образе информация зачастую представлена избирательно и искаженно (Афонасова, 2009).

Среди специалистов в области международных отношений также существует мнение, согласно которому сегодня не может быть стран — полюсов влияния, превосходящих остальные страны сразу во всех сферах. «Количество и конфигурация полюсов зависят от сферы деятельности. Набор и взаимное расположение военно-политических полюсов не равнозначны набору и взаимному расположению экономических полюсов» (де Монбриаль, 2009 [эл. ресурс]).

Подводя итог проделанного анализа, важно отметить следующее. Как бы мы ни характеризовали изменения в современном мировом порядке, они уже происходят. Однако нельзя сказать, что одновременно с ними происходит и социально-психологическая революция, достаточно быстро трансформирующая житейское понимание структуры современных международных отношений, преобразующая социальное восприятие других стран и народов, помогающая сформировать новую социальную идентичность, обусловленную новым мироустройством, определяющая новые стратегии взаимодействия. Поэтому вопросы о процессах глобализации, о предсказании траектории развития мировой политики и объединенной Европы оставим на суд политологов и историков.

Для социальной психологии представляет интерес то, как в условиях отсутствия однозначных, готовых схем категоризации наличного мироустройства «человек с улицы» конструирует представления о политическом мире. Нас интересует, как в этих представлениях отражаются и глобальные изменения, происходящие в современном мире, и историческая память о восприятии мира как биполярного в годы «холодной войны». Важность социально-психологического исследования этой проблематики объясняется ее связью с формированием и изменением менталитета, а также национальной идентичности, включающей и представления о собственной стране как участнице международных отношений, и эмоциональную оценку этого участия.

Говоря о применимости социально-психологического знания для анализа представлений о современном мироустройстве в различных группах людей, нельзя не упомянуть о **теории социальных представлений** (ТСП). Применимость этой теории обусловлена в первую очередь ее объяснительной силой. Если воспользоваться идеей В. Дуаза о классификации уровней объяснения в экспериментальной социальной психологии, но выйти за рамки рассмотрения только экспериментальных исследований, а применять шире для анализа эмпирических исследований в целом, то можно различить: 1) интраиндивидуальный, 2) интерперсональный, или ситуационный, 3) позиционный, или интергрупповой, и 4) социетальный уровни (Doise, 1986). ТСП апеллирует к самому высокому уровню — социетальному, она дает возможность рассматривать макросоциальные феномены, релевантные современной жизни, в частности учитывать трансформации, происходящие в ситуации социальных изменений и социальной нестабильности. Будучи направленной на понимание отношений между индивидом и обществом (Андреева, 2005), ТСП позволяет анализировать обыденные представления, на которые люди опираются в процессе коммуникации, при принятии решения о том или ином действии, при вступлении в социальные отношения.

С. Московиси определяет социальное представление как специфическую форму социального знания, соединяющую в себе понятийный и образный компоненты, которые «взаимозависимы как две стороны листа бумаги» (Moscovici, 2000, p. 31). Концептуальный аспект представления рассматривается в связи со знанием и с языком, иконический аспект подчинен концептуальному. Представления социально выработаны и разделены. Их основное предназначение — трансформация неизвестного в известное (Донцов, Емельянова, 1987; Moscovici, 2000). Порождаясь в коммуникациях, в бесчисленных диалогах, они выполняют функцию облегчения коммуникаций. Представления являются продуктом коммуникации, которая в свою очередь невозможна без них. Будучи построенным в коммуникациях, представление оказывается той

конструкцией, которая выступает в качестве медиатора между субъектом и объектом (Jovchelovitch, 2006).

Кроме того, функции представлений состоят в регуляции поведения индивидов и оправдании их социальных отношений, представления принимают участие в конструировании и поддержании социальной идентичности. Если принять во внимание тот факт, что представления выполняют ряд функций и в зависимости от ситуации важной становится та или иная из них (Bonnes, 2002), то станет очевидным, что при изучении представлений о стране и мире доминирует функция, связанная с идентичностью.

Представления российских студентов о многополярном мире и о странах — центрах влияния

С целью изучения того, как молодежь понимает современное мироустройство, нами было проведено эмпирическое исследование. Исходные предположения: 1) современный мир представляется студенческой молодежи как многополярный; 2) Россия воспринимается как одна из стран — центров влияния в современном мире¹; 3) представления российских студентов о многополярности мира структурируются вокруг элементов, указывающих на культуру, а также элементов, имеющих геополитические, экономические коннотации.

Основной *метод* исследования — анкетирование. Ключевой инструмент — методика свободных ассоциаций; для анализа полученных результатов применялся прототипический анализ по П. Вержесу (Vergès, 1992).

Выборка состояла из 145 российских студентов (из них 16.55% — мужчины, 83.45% — женщины) в возрасте 17—28 лет ($M=19.40$, $SD=1.34$). Для получения более надежных данных по отдельным методикам (Di Giacomo, 1981) привлекались дополнительные подгруппы респондентов. Одна такая подгруппа ($N=76$) выполняла ассоциативную методику для выявления представлений о центрах влияния, а другая ($N=81$) — методику свободных ассоциаций для выявления представлений о многополярном мире.

Анализ и обсуждение результатов

1. Представления о странах — центрах влияния. Полученные в исследовании результаты говорят в пользу того, что в представлениях российских студентов существует определенная иерархия стран — центров

¹ В данной статье рассматриваются результаты исследования образа России только в контексте восприятия ее влияния. Более подробный анализ разных аспектов образа России представлен в статье Н.Г. Малышевой, Т.Г. Стефаненко, О.А. Тихомандрицкой в этом номере журнала.

влияния в современном мире. Первые места в этой иерархии занимают две страны — США (96.8% указаний) и Россия (77.8%). Именно эти две страны указывались в первую очередь и большинством респондентов, ранги ассоциации соответственно $M=1.52$ ($SD=0.88$) и $M=2.69$ ($SD=1.62$). Дополнительное сравнение этих рангов по Т-критерию позволяет говорить об их значимом различии ($T=-9.03$, $p<0.000$). Таким образом, США в первую очередь соответствуют понятию «центр влияния», а Россия — во вторую. Так или иначе, сведение этих стран в одну категорию может свидетельствовать о восприятии респондентами мира как биполярного, причем с полюсами, известными со времен «холодной войны». Позиции других стран в иерархии стран — центров влияния в современном мире таковы: Китай (60.6% респондентов), Япония (43.4%), Великобритания (36%), Германия (37%), Франция (30%), Евросоюз в целом (6%). Любопытно, что анализ ассоциативных методик демонстрирует отсутствие у респондентов четкого образа Евросоюза как целого, чаще в качестве центра влияния называют одну из входящих в него стран, например Францию или Германию. Приведенное расположение стран говорит о том, что они воспринимаются как второстепенные по сравнению с США и Россией.

Несложно заметить, что США, Япония, Германия, Франция, Великобритания и Россия являются членами «Большой восьмерки» (G8), а Китай входит в «Большую двадцатку» (G20). Стремительное экономическое развитие этой страны (равно как и Индии, Бразилии и ЮАР), с одной стороны, и процессы глобализации — с другой, способствовали зарождению дискуссии о G20 как альтернативе G8, а именно о необходимости расширения числа стран, принимающих решения в мировом масштабе, а также об управлении такой структурой (Lesage, 2007).

Если взглянуть на валовой внутренний продукт этих стран (согласно данным МВФ за 2009 г.), то картина получается следующей (в млн долларов США): 1) США — 14 256 275, 2) Япония — 5 068 059; 3) Китай — 4 908 982; 4) Германия — 3 352 742; 5) Франция — 2 675 915; 6) Великобритания — 2 183 607; 7) Италия — 2 118 264; 8) Россия — 2 109 551. Показатель по странам ЕС не подвергается классификации, он составляет 16 447 259.

Другой параметр, который также может быть интересен с точки зрения интерпретации полученных результатов, — иерархия стран по паритету покупательной способности (по данным МВФ за 2009 г., в млн долларов США): 1) США — 14 256 275; 2) Китай — 8 765 240; 3) Япония — 4 159 432; 4) Индия — 3 526 124; 5) Германия — 2 806 266; 6) Великобритания — 2 139 400; 7) Россия — 2 109 551; 8) Франция — 2 108 228. Эти страны попадают в 10 самых богатых стран по показателям ВВП или ППС. Показатель по странам ЕС не подвергается классификации, он составляет 14 793 979.

Наконец, есть еще один параметр, который рассматривается в качестве одного из оснований для выделения стран — центров влияния в современном мире, — военная сфера (Рогов, 2007; Тодоров, 2004). Можно выстроить иерархию стран по наличию ядерного оружия. В первую очередь речь идет о ядерных державах — США, России, Великобритании, Франции и Китае. Если рассматривать этот параметр шире, то получается, что в так называемый «ядерный клуб» также входят Индия, Пакистан и КНДР.

Но определяются ли этими параметрами обыденные представления о влиятельности стран в мире? Попытаемся ответить на этот вопрос, обратившись к результатам нашего исследования.

Представления респондентов о странах — центрах влияния в современном мире характеризуются высокой согласованностью, так как доля ответов, включающая указанные страны, составляет 93.3% от всех полученных ответов. Этот факт можно проинтерпретировать так: мир представляется респондентам скорее как биполярный, в нем сохраняется противостояние США и России, при этом США видятся как более сильный центр влияния. Менее важная роль с точки зрения влияния отводится таким странам, как Великобритания, Китай, Япония, с одной стороны, а также Германия, Франция и страны ЕС в целом — с другой. Можно предположить, что большая воспринимаемая влиятельность Китая и Японии по сравнению со странами Западной Европы указывает на формирование у молодых респондентов представления о мире как о многополярном, с новыми центрами влияния.

В политическом и экономическом дискурсах к новым полюсам влияния в современном мире относятся, в частности, Бразилия, Индия, Китай. Если сопоставить эти утверждения с тем, как обыденное сознание объясняет мироустройство, то можно отметить, что Китай и Япония попадают в одну группу, а указания на Бразилию и Индию единичны. Полученные данные интересны и тем, что среди упоминаемых респондентами центров влияния отсутствуют страны арабского мира.

2. Представления о многополярном мире. Анализ данных, касающихся представлений о многополярном мире, позволяет получить более детальный ответ на вопрос о том, как люди понимают современное мироустройство.

Всего респондентами было высказано 1044 ассоциации, причем словарь понятий включал 509 слов и словосочетаний. Анализ полученных данных с помощью методики П. Вержеса (Vergès, 1992) дает возможность выделить элементы ядра и периферии социального представления о многополярном мире. Элементы зоны ядра и периферической системы составляют 32.38% от всех высказанных ассоциаций.

Зона ядра представления о многополярном мире (таблица) образована такими элементами как разнообразие, многонациональность,

полюс, глобализация, биполярность. Первая периферическая система: толерантность, много полюсов влияния, свобода, многогранность, а также культура и ее многообразие, война, конкуренция, политика. Вторая периферическая система: различные мнения, развитие, глобус, сотрудничество, конфликт.

Элементы, образующие ядро и периферию представления о многополярном мире

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<2.79	≥2.79
≥15.5	Разнообразие (35; 2.46)	Культура и ее многообразие (29; 2.90)
	Многонациональность (35; 2.57)	Война (26; 2.85)
	Полюс (27; 2.07)	Конкуренция (17; 2.82)
	Глобализация (21; 2.1)	Политика (16; 3.00)
	Биполярность (19; 2.68)	
<15.5	Толерантность (12; 2.42)	Различные мнения (15; 3.00)
	Много полюсов влияния (11; 2.45)	Развитие (14; 3.43)
	Свобода (11; 2.55)	Глобус (13; 3.00)
	Многогранность (11; 2.55)	Сотрудничество (13; 3.69)
		Конфликт (13; 3.77)

Данные результаты могут быть проинтерпретированы так: скорее всего мы имеем дело с формированием представлений о многополярном мире. В пользу такого заключения говорят следующие факты: невысокая согласованность мнений в отношении тех или иных элементов, разнообразие словаря, наличие целого ряда «прямых» ассоциаций, в первую очередь в зоне ядра: полюс (северный или южный), разнообразие. Эти элементы производны от стимульного словосочетания «многополярный мир», являются синонимами или однокоренными словами. В периферической системе присутствуют элементы этого порядка — многогранность, различные мнения, глобус.

Анализ всего массива данных обнаруживает 57 ассоциаций, включающих указание на многообразие объектов или явлений (культур, мнений, точек зрения, экономических и политических систем и пр.), а также 102 указания на отличия объектов или явлений, их непохожесть (разные ценности, разнообразие взглядов, разнообразие религий и пр.). Также присутствуют элементы полярный медведь, полярники, Арктика, Антарктика, снег, холод. Три элемента зоны ядра (многонациональность, глобализация и биполярность) несут иную смысловую нагрузку. По сути, эти три элемента являются попыткой объяснить, что же такое «многополярный мир». Большой интерес представляет тот факт, что тут присутствует элемент «биполярность». Этот результат позволяет от-

клонить наше предположение о том, что мир представляется молодежи как многополярный. Участники исследования видят Россию как один из двух центров биполярного мира; в их представлениях она по-прежнему противостоит США. Этот факт говорит в пользу устойчивости представлений, сформированных в эпоху «холодной войны». В дискурсе присутствует некоторое количество оппозиций, ориентирующих процесс обсуждения: биполярность/многополярность («много полюсов влияния»), сотрудничество/конкуренция, война/мир. Присутствует и оппозиция Россия (СССР)/США, т.е. актуализируется воспоминание об эпохе «холодной войны». При этом никто из респондентов не говорит о таких новых формах сотрудничества ведущих стран мира, как G8 или G20.

Выводы

1. На уровне обобщенного сознания страны — центры влияния в современном мире объединены в группы: 1) США и Россия; 2) Великобритания, Китай и Япония; 3) Германия, Франция и страны ЕС (в целом). Суть этой иерархии такова, что первостепенная роль отводится США и России. Таким образом, современное мировое устройство представляется респондентам скорее как биполярное. Отсюда следует, что изменение такой структуры, как социальные представления, — длительный процесс.

2. Сосуществование в зоне ядра представления о многополярном мире таких элементов, как многонациональность, глобализация и биполярность, а также представленность в периферических системах еще целого ряда оппозиций (биполярность/многополярность, сотрудничество/конкуренция, война/мир, Россия (СССР)/США) говорят об актуализации коллективной памяти о мироустройстве времен «холодной войны». Современный мир по-прежнему представляется респондентам как разделенный на две части.

В пользу того, что представление о многополярном мире находится в стадии формирования, свидетельствуют такие критерии, как согласованность элементов, объем словаря, используемого респондентами, и смысловая нагрузка самих ассоциаций.

Полученные результаты не позволяют принять выдвинутую нами первую гипотезу, согласно которой современный мир представляется молодежи как многополярный. Но они позволяют принять вторую гипотезу, согласно которой Россия воспринимается как одна из стран — центров влияния.

3. Социальные представления интегрируют научное знание о критериях выделения полюсов, среди которых идеологический (биполярность), геополитический (глобализация), однако роль экономического

критерия, а также критерия, связанного с культурой, вторична. Этот результат лишь частично поддерживает нашу третью гипотезу, согласно которой представления молодежи о многополярности мира структурируются вокруг элементов, указывающих на культуру, а также элементов, имеющих геополитические, экономические коннотации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 5. С. 5—15.

Афонасова А.В. Международный имидж России в условиях складывающегося многополярного мира // Научный вестник Уральского академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2009. № 2 (7). URL: <http://vestnik.uara.ru/issue/2009/02/03/>

Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.

Иноземцев В.Л. Мечты о многополюсном мире // Независимая газета. 2008. 18 сент.

Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Восприятие угрозы в международных отношениях как процесс социального познания // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2008. С. 37—42.

Кулагин В.М. Мир и Запад в российской политологии // Международные процессы: Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2006. Т. 4. № 3. URL : <http://www.intertrends.ru/twelfth/011.htm>

Мартынов Б. Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы: Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2009. Т. 7. № 3 (21). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-first/014.htm>

Монбриаль Т. де. Многополярность и многообразие // Россия в глобальной политике. 2007. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9956

Монбриаль Т. де. «Мир стал многополярным, разнородным и глобальным...» // Международные процессы: Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2009. Т. 7. № 3 (21). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-first/006.htm>

Рогов С.М. Россия и США: уроки истории и выводы на будущее // Россия и Америка в XXI веке. 2007. № 1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=15>

Тодоров Ц. Европа: как стать «державой спокойной мощи» // Политический журн. 2004. № 2. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?POLITSID=74f9fa404e3d7aa67eb382a517c07cb0&action=Articles&dirid=40&tek=430&issue=14>

Хаас Р. Беспольярный мир. К чему приведет гегемония США? // inoСМИ.Ru. 2008. 12 мая. URL: <http://www.inosmi.ru/translation/241303.html>

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Шестопал Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2008. С. 8—25.

Bonnec Y. Identité régionale, nationale et européenne. Organisation et statut de la mémoire sociale au sein des représentations sociales // La mémoire sociale: Identités et Représentations Sociales / Sous la dir. de S. Laurens, N. Roussiau. Rennes, 2002. P. 175—185.

Brenner M. A Comparison of United States and French strategies // Cooperation and Conflict: J. of the Nordic Int. Studies Assoc. 2003. Vol. 38. P. 187—209.

Di Giacomo J.-P. Aspects méthodologiques de l'analyse des représentations sociales // Cahiers de psychologie cognitive. 1981. N 1. P. 397—422.

Doise W. Levels of explanation in social psychology. Cambridge, UK, 1986.

Go J. Waves of Empire: US Hegemony and Imperialistic Activity from the Shores of Tripoli to Iraq, 1787—2003 // International Sociology. 2007. Vol. 22. P. 5—40.

Jovchelovitch S. Repenser la diversité de la connaissance: polyphasie cognitive, croyances et représentations // Les savoirs du quotidien / Sous la dir. V. Haas, Rennes, 2006. P. 213—224.

Lesage D. Globalisation, multipolarity and the L20 as an alternative to the G8 // Global Society. 2007. Vol. 21. N 3. P. 343—361.

Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations: explorations in social psychology / Ed. by G. Duveen. N.Y., 2000. P. 18—77.

Pant H.V. Feasibility of the Russia—China—India “Strategic Triangle”: Assessment of theoretical and empirical issues // International Studies. 2006. Vol. 43. P. 51—71.

Scott D. China and the EU: A Strategic axis for the twenty-first century? // International Relations. 2007. Vol. 21. P. 23—45.

Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de Psychologie. 1992. T. XLV. N 405. P. 203—209.